

Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе

Марк НЕЙМАРК

Геополитическая ситуация, создавшаяся в результате последовательного расширения НАТО на Восток, которое напрямую угрожает национальной безопасности России, критически созрела. После резких, но малозначимых для Запада сутубо «оборонительных» предупреждений, следовавших за каждой из пяти волн расширения Североатлантического альянса, Россия наконец перешла в стратегическое контрнаступление. Впервые российская дипломатия столь жёстко сформулировала Западу свои требования о гарантиях своей национальной безопасности.

В отношениях Запад – Россия всё более контрастно обозначаются критические красные линии, о глобальной опасности которых многократно предупреждало российское руководство. Чрезвычайно опасное приближение НАТО к границам России, сопровождаемое размещением самых современных ракетных комплексов в близлежащих к ней странах, тревожные геополитические игры вокруг вступления Украины в Североатлантический альянс, создающего прямую угрозу национальной безопасности России, наглядно раскрывает кризисную остроту недопустимости пересечения этих линий.

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. *SPIN-код*: 2491-0280, *E-mail*: mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: геополитика, стратегическая безопасность, национальные интересы России, США, НАТО, интегрированная Европа.

Характеризуя суть и практическое значение красных линий для России, В. В. Путин акцентировал внимание на главном: «Я хочу, чтобы всем было понятно, и у нас в стране, и за рубежом нашим партнёрам было понятно, что дело даже не в той линии, которую мы не хотим, чтобы кто-то переступал. Дело в том, что нам некуда уже отходить. Они нас так припёрли к такой линии, извините за моветон, что нам дальше двигаться некуда» [1].

Критический момент истины

Демонизация Западом России со всеми вытекающими последствиями искусственно сохраняет и постоянно воспроизводит на новой или обновлённой основе дестабилизирующий потенциал красных линий в мировой политике и международных отношениях. Естественное стремление России, как любой страны, защищать свои национально-государственные интересы, укреплять своё духовно-историческое наследие, расширять культурно-цивилизационное присутствие в мире настороженно и подозрительно воспринимается в США и в безоглядно ориентирующихся на Штаты странах как некий маргинальный вызов всему человечеству и ценностным основам его цивилизационного развития.

Авторитетный французский политолог-международник П. Бонифас дал в высшей степени показательную оценку современной внешней политике Запада, которого «шокирует и дестабилизирует, приводя даже в бешенство, когда другие страны заявляют о своих

собственных национальных интересах, что мы считаем грубым и недопустимым... Наше ощущение превосходства не только нетерпимо для других, но и опасно для нас самих, поскольку чревато непростительными и дорогостоящими ошибками» [2].

О политически бесцеремонном отношении Запада во главе с США к России в вопросе о расширении НАТО уже в 90-х годы с критической прямотой высказался бывший премьер-министр Франции Л. Жоспен в своей книге под красноречивым названием «Смутные времена»: «Надо признать, что в ходе транзита ведущие западные страны действовали нагло, а их экономисты, вызванные к постели больного, прописали жуткие лекарства. Расширение НАТО на Восток происходило без оглядки на гордость и опасения руководителей России. Развёртывание американских противоракет вдоль российских границ – под малоубеждающим предложением иранской угрозы – было ошибкой» [3].

¹ Москва. Кремль. Путин // Россия 1. 2021. 26 декабря // URL: <https://smotrim.ru/brand/63170>

² Boniface P. Géopolitique COVID-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. P.: Editions Eyrolles, 2020. P. 44–45.

³ Jospin L. Un temps troublé. P.: Editions du Seuil, 2020. P. 161.

Красные линии на Украине – категорический императив для России

Активность украинской политики в целом на юго-востоке страны, если рассматривать отдельно боевые действия ВСУ против мирного населения, весьма символична: оторванная от Минских соглашений, она топчется на месте, но как энергично...

Особенность украинских красных линий прежде всего в том, что они переплетаются между собой, образуя остропроблемную триаду для России. Это в первую очередь безопасность русских, проживающих на юго-востоке Украины, сохранение и защита православных святынь и, конечно же, военно-политические вопросы, которые имеют самое прямое отношение к стратегической безопасности России на западном направлении.

Некоторые российские эксперты – а это не только концептуальные миноритарии – даже считают, что за исключением названных красных линий Украина постепенно становится для России просто обстоятельством, которое безусловно нельзя игнорировать, «но отличие внешнеполитического обстоятельства от проблемы в том, что проблемы приняты решать, а из обстоятельств – только исходить, выстраивать свою политику “с поправкой на”. Отсюда становится очевидно, что активная российская политика на украинском направлении не может возникнуть в ближайшей перспективе: с ней не

связаны ни стратегические ожидания, ни подходящие для изменения такого “обстоятельства” инструменты» [4].

Я бы с большей осторожностью подошёл к столь категорическому разделению этих двух понятий, имея в виду, что именно конкретные обстоятельства порождают те или иные проблемы. При определённых допущениях приведённая выше оценочная позиция может обернуться соблазном минимизировать или даже маргинализировать комплекс проблем, связанных с украинским кризисом, интернационализация которого стала одновременно и объективным обстоятельством, и реальной проблемой.

Интернационализация кризиса на Украине развязала воображение многим местным новоиспечённым политикам, возглавившим властные структуры в стране. Оказавшись в центре событий, они уверовали в то, что причастны к выработке решений в глобальном мире. Ношение нимба деформировало голову отнюдь не единичным украинским неофитам внешней политики. Шапкозакидательские построения в новой политической элите в отношении красных линий, которые оказались в центре международной повестки, усиливаются по нарастающей.

Украинское руководство делает всё возможное и даже невозможное, чтобы убедить США и их наи-

⁴ Сушенцов А. «Красные линии» России и «украинский вопрос» // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 17 декабря 2021 г. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krasnye-linii-rossii-i-ukrainskiy-vopros/>

более весомых стратегических союзников в том, будто Украина – это «единое целое с Западом», и потому она как бы «вправе» всецело рассчитывать на его помощь и поддержку в самых различных сферах её внутренней и внешней политики.

Конкретно реализуются три взаимосвязанные целевые установки:

– *первая* – концептуализировать в глазах США и их союзников западное направление внешней политики Украины, обосновать её жёстко очерченный антироссийский вектор, «рентабилизовать» его в своих тактических и стратегических целях;

– *вторая* связана с надеждой довести до властных структур западных стран осознание императивной необходимости своего рода «украинизации» их внешней политики, выведения украинского вектора на более приоритетные позиции;

– *третья* отражает едва завуалированную претензию руководства Украины на более весомую роль в глобальной политике или как минимум в европейском регионе.

Что это – эпатирующая самонадеянность, желание позиционировать страну в качестве силы, способной влиять на расклад возможностей и потенциалов в геополитике или очередной призывный жест в адрес Запада, стремление показать постоянную готовность выступать в роли его передового отряда в конфликтном противоборстве с Россией?

На наш взгляд, всё, вместе взятое. Убеждает в этом постоянное настойчиво-требовательное желание главы украинской дипломатии Д. Кулебы институционализировать место Украины на Западе: «Пришло время Соединённым Штатам и Европе разработать чёткую «дорожную карту» для того, чтобы Украина наконец присоединилась к НАТО и Европейскому союзу». Он настаивает на том, что членство Украины в НАТО не только обеспечит прогресс в стране, но и «поможет ещё раз объединить Запад», что не очень застенчиво подразумевает некий упреждающий, если не сказать, решающий вклад Украины в борьбу за сохранение западнотрихной модели мира. Его доводы удивят, наверное, даже североатлантических политиков и военных стратегов. Оказывается, *во-первых*, Украина «может предложить многое в рамках НАТО в вопросах региональной безопасности»; *во-вторых*, «эффективные вооружённые силы страны обладают бесценным боевым опытом борьбы с российскими войсками после вторжения в 2014 г. (налицо виртуозный смысловой перевёртыш. – Авт.)», и, *в-третьих*, апофеоз фейковой геополитики, когда утверждается, что в отношении кибербезопасности и борьбы с дезинформацией лишь «немногие страны могут соперничать со способностью Украины как распознавать тактику России, так и противодействовать ей» [5]. Таким образом, Украина услужливо предлагает себя Западу в качестве форпоста глобальной борьбы с Россией.

⁵ Kuleba D. Ukraine is part of the West // Foreign Affairs. 2021 2 August // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-08-02/ukraine-part-west>

НАТО: новые форс-мажорные риски для России как плохо забытые старые

В последние годы антироссийская стратегия бескомпромиссной конфликтности НАТО проявляется в самых различных действиях и формах. Динамика обострения отношений альянса с Россией набрала беспрецедентную силу:

- прекращена работа Совета Россия – НАТО и сотрудничество по всем линиям;

- разведывательные полёты натовской авиации непосредственно вдоль границ России в условиях кризиса системы контроля над вооружениями и разоружения создают прямую угрозу безопасности России;

- ситуацию усугубило сокращение в одностороннем порядке Постоянного представительства Российской Федерации при НАТО в 2015, 2018 гг. и, наконец, в октябре 2021 г. – высылка восьми дипломатов и упразднение двух штатных единиц в Постпредстве. Генсек альянса Й. Столтенберг даже не удосужился дать этому событию сколько-нибудь убедительное объяснение, заявив, что все они – необъявленные сотрудники российской разведки. При этом, как он сам признал, решение о высылке не связано с конкретными событиями.

Для нормализации отношений с альянсом российское руководство настаивает на возвращении к ситуации, документально зафиксированной в «Основополагающем Акте Россия – НАТО», подписанном в 1997 г. обеими сторонами «на основе твёрдого обязательства, принятого на высшем политическом уровне».

В документе говорилось, что Россия и НАТО будут содействовать

укреплению ОБСЕ, включая дальнейшее развитие её роли в качестве основного инструмента превентивной дипломатии, предотвращения конфликтов, урегулирования кризисов, постконфликтного восстановления и регионального сотрудничества в области безопасности, а также укрепления её оперативных возможностей по осуществлению этих задач. «ОБСЕ в качестве единственной общеевропейской организации безопасности играет ключевую роль в поддержании европейского мира и стабильности».

Развитие событий в последующие годы показало, что в действительности НАТО в огромной степени действовала по принципу от противного, утверждая, будто именно она – единственный гарант мира в Европе.

Одно из ключевых положений Акта гласит: государства – члены НАТО подтверждают, что не имеют намерений, планов или причин для развёртывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем. «Это включает тот факт, что НАТО приняла решение о том, что не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия на территории этих стран ни путём строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путём приспособления старых объектов хранения ядерного оружия». При этом в НАТО как-то бы-

стро «забыли» о своих юридически зафиксированных обязательствах «предотвращать какие-либо дестабилизирующие наращивания сил в различных регионах Европы и в Европе в целом».

В документе было зафиксировано принципиально важное положение о том, что он «не затрагивает и не может рассматриваться как затрагивающий главную ответственность Совета Безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности».

Два года спустя жестокими бомбардировками Югославии НАТО прямо нарушила свои обязательства, действуя в обход СБ ООН. Причём в нарушение такого принципа Акта, который предписывает «предотвращение конфликтов и урегулирование споров мирными средствами в соответствии с принципами ООН и ОБСЕ».

Предельно вольно интерпретируется в НАТО её обязательство осуществлять свою коллективную оборону через обеспечение совместимости, интеграции и потенциала усиления, «а не путём дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил». На практике «постоянное размещение» попросту подменяется размещением на ротационной основе, а размытое понятие «существенные силы» не несёт на себе какую-либо ограничительную нагрузку.

Американскому руководству надо было бы ещё четверть века назад прислушаться к дальновидному предупреждению авторитетного дипломата и аналитика Дж. Кеннана,

известного своим вкладом в разработку концепции сдерживания нашей страны, который обладал уникальными знаниями о её возможностях и потенциале: «Расширение НАТО станет роковой ошибкой американской политики во всей эпохе после холодной войны. Такое решение с высокой долей вероятности приведёт к разжиганию националистических, антизападных и милитаристских тенденций в российском общественном мнении. Оно будет иметь негативные последствия для развития российской демократии, вернёт атмосферу холодной войны в отношения Востока и Запада, а также направит внешнюю политику России в направлениях, которые абсолютно будут нам не по нраву» [6].

Эту оценочную позицию с ещё большей наглядностью он конкретизировал после исторического одобрения сенатом США (1 мая 1998 г.) расширения НАТО на Восток за счёт вхождения в альянс Польши, Венгрии и Чехии. В интервью, данному на следующий день известному американскому журналисту Т. Фридману, трижды лауреату престижной Пулитцеровской премии, он в свои 94 года расставил все антироссийские точки над геополитическим *i*, прозорливо заявив: «Я думаю, что это начало новой холодной войны. Я полагаю, что русские со временемотреагируют весьма негативно, и это повлияет на их политику. Я считаю, что сделана трагическая ошибка. Не было никаких оснований для этого [расширения] вообще. Никто никому не угрожал. Это расширение заставит отцов-основателей перевернуть»

⁶ Kennan G. A Fateful Error // The New York Times. 1997 5 February // URL: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html>

ся в своих могилах». Решение американского сената он назвал безответственным поступком. Его особую обеспокоенность вызвали ссылки на Россию как страну, готовую атаковать Западную Европу. «Наши разногласия периода холодной войны касались советского коммунистического режима. А теперь мы поворачиваемся спиной к тем людям, которые совершили величайшую бескровную революцию в истории, свергнув этот советский режим». Поразительно, что именно от него, положившего жизнь на сдерживание

СССР, прозвучала столь неожиданная и непривычная для западных политиков констатация: «Демократия в России продвинулась едва ли не дальше, чем в любой из этих стран, защищать которых мы только что обязались. Это показывает слабое понимание русской и советской истории». И как его главный прогностический вывод: «Конечно же, последует негативная реакция со стороны России, а позже [страны НАТО] скажут, что мы всегда говорили, что русские такие. **Но это будет неправда**» (выд. – Авт.) [7].

Вместо заключения: «Будьте реалистами – требуйте невозможного»

Выведенное Россией Западу во главе с США столь категоричское требование о красных линиях, пересечение которых несёт ей экзистенциальную угрозу, было исходно воспринято там как неприемлемый ультиматум. Если доводить до логического завершения эту оценочную позицию Запада, то она явно подталкивает к броской реминисценции парадоксального лозунга бунтующего парижского студенчества в 1968 г.: «Будьте реалистами – требуйте невозможного».

Но здесь всё другое.

В условиях кризисной геополитики, кризиса либеральной модели мироустройства, усиления геополитического статуса России, мнения которой уже нельзя игнорировать, то, что ещё совсем недавно казалось невозможным, сегодня может оказаться вполне достижимым, хотя бы частично.

Но не забудем и о том, что вся история международных отношений неоднократно доказывала: ничто так не портит будущее, как чрезмерно оптимистические прогнозы.

Судя по результатам встреч на трёх переговорных площадках, есть одна оценочно-прогностическая позиция, которую разделяют обе стороны: «надеяться на лучшее, но готовиться к худшему».

Конечно же, российская дипломатия не ожидала геополитического прорыва в отношениях с США и НАТО. Принципиальное отличие в интерпретации красных линий никуда не исчезло. В основе российского подхода – стремление обеспечить безопасность страны в контексте стратегической стабильности. США и их привилегированные европейские союзники делают ставку на сохранение западнцентричной мо-

⁷ Friedman T. Foreign Affairs; Now a Word from X // The New York Times. 1998 2 May // URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html>

дели мироустройства с её базовыми принципами безоговорочного лидерства/доминирования/господства/гегемонии в глобальном мире. Любая сколько-нибудь значимая попытка вести субстантивный диалог, предполагающий полноценный учёт взаимных интересов, наталкивается на противодействие под тем или иным предлогом. В данном случае камнем преткновения представлен украинский кризис, в увязке с которым Запад требует, в частности, отвести российские войска от границы с Украиной (куда, в Сибирь?) и прекратить военные учения... на самой территории России. Морские же маневры НАТО в Чёрном море проводятся рядом с российскими границами, самолёты альянса приближаются к ним уже на расстоянии 20 км, и всё подаётся всему миру как правомерные, «оборонительные» действия. По оценке А. В. Яковенко, «Россию буквально прижали к стенке перспективой увеличения вдвое протяжённости её сухопутной границы с НАТО в результате приёма в альянс Украины или “ползучего” военного освоения её территории» [8].

Если деструктивная тенденция в отношениях Россия – США получит долговременное развитие, то **может возникнуть такая конфронтационная геополитическая ти-**

шина, что будет слышно, о чём угрожающе молчит и та и другая сторона.

США разучились говорить с Россией на равных. Они привыкли к тому, что с ними легко найти общий язык, если прикусить свой. Но, подчеркнём, на этот раз состоялся жёсткий диалог сторон, относящихся друг к другу с опасливым уважением.

Примечательный момент: когда США хотят принять какое-нибудь решение, они это делают самостоятельно, без оглядки на своих европейских (и не только) союзников. Наглядный пример – недавнее решение о создании нового военно-политического союза AUKUS, игнорирующее мнение ЕС. Когда не хотят – ссылаются на императивную необходимость действовать согласованно с ними. Что, собственно, произошло на двусторонних переговорах Россия – США в Женеве, на которых американской стороной было заявлено, что много будет зависеть от последующего диалога Россия – НАТО и Россия – ОБСЕ. При том что сама жизнь убедительно подтверждает геополитический парадокс: у американской смиренной рубашки, предназначенной для не очень самодостаточных союзников, действительно свободный крой.

От США как верховного лидера НАТО во многом будут зависеть особенности выстраивания конфигурации посткризисного глобального пространства в целом и отработки новых институализированных форм и механизмов регулирования общемировых процессов. При этом актуализируется практико-политическое значение растущей увязки дальнейшего расширения НАТО с динамикой изменений в геополитическом треугольнике США – Россия – Китай.

⁸ Яковенко А. В. Дипломатия или конфронтация // РСМД. 20 декабря 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/diplomatiya-ili-konfrontatsiya/>

КНР стратегически озабочена тем, что в случае дальнейшего расширения НАТО за счёт стран Средней Азии столкнётся с теми же красными линиями для своей безопасности, как и Россия, поскольку Североатлантический альянс может оказаться у китайских западных границ.

Стратегическая значимость красных линий для безопасности России может уйти из международной повестки только в том случае, если во внешней политике США в приоритетном порядке будет использоваться проблемный подход, т. е. поиск практических решений наиболее острых проблем современности, прежде всего обеспечения международной безопасности, а центрирующая ставка на противоборство с геополитическими соперниками выйдет из режима исходной абсолютизации. «Такая перестройка позволила бы Вашингтону обрести больше гибкости и адаптивности к быстро меняющейся внешней среде, которых так не хватает старому подходу, фиксирующему внимание не на проблеме, а на противнике» [9].

В целом результаты встреч на трёх переговорных площадках можно было бы оценить в диапазоне от критически настроенного оптимизма до не очень осторожного пессимизма.

Библиография • References

Кортунов А. В. Америке пора сосредоточиться на проблемах, а не на противниках // РСМД. 23 декабря 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerike-pora-sosredotochitsya-na-problemakh-a-ne-na-protivnikakh/>

[Kortunov A. V. Amerike pora sosredotochit'sya na problemah, a ne na protivnikah // RSMD. 23 dekabrya 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerike-pora-sosredotochitsya-na-problemakh-a-ne-na-protivnikakh/>]

Москва. Кремль. Путин // Россия 1. 2021. 26 декабря // URL: <https://smotrim.ru/brand/63170>

[Moskva. Kreml'. Putin // Rossiya 1. 2021. 26 dekabrya // URL: <https://smotrim.ru/brand/63170>]

Сушенцов А. «Красные линии» России и «украинский вопрос» // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 17 декабря 2021 г. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krasnye-linii-rossii-i-ukrainskiy-vopros/>

[Sushencov A. «Krasnye linii» Rossii i «ukrainskiy vopros» // Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj», 17 dekabrya 2021 g. // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/krasnye-linii-rossii-i-ukrainskiy-vopros/>]

Яковенко А. В. Дипломатия или конфронтация // РСМД. 20 декабря 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/diplomatiya-ili-konfrontatsiya/>

[Yakovenko A. V. Diplomatiya ili konfrontatsiya // RSMD. 20 dekabrya 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/diplomatiya-ili-konfrontatsiya/>]

⁹ Кортунов А. В. Америке пора сосредоточиться на проблемах, а не на противниках // РСМД. 23 декабря 2021 // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerike-pora-sosredotochitsya-na-problemakh-a-ne-na-protivnikakh/>

Boniface P. Géopolitique COVID-19. Ce que nous révèle la crise du coronavirus. P.: Editions Eyrolles, 2020. – 190 p.

Friedman T. Foreign Affairs; Now a Word from X // The New York Times. 1998 2 May // URL: <https://www.nytimes.com/1998/05/02/opinion/foreign-affairs-now-a-word-from-x.html>

Jospin L. Un temps troublé. P.: Editions du Seuil, 2020. – 256 p.

Kennan G. A Fateful Error // The New York Times. 1997 5 February // URL: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html>

Kuleba D. Ukraine is part of the West // Foreign Affairs. 2021 2 August // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-08-02/ukraine-part-west>

Статья поступила в редакцию 17 января 2022 г.